

сторон принципа справедливости, в свою очередь справедливость является связующим звеном для принципов равенства и гуманизма.

Уравнительный и распределительный аспекты справедливости необходимо дифференцировать для более точного разъяснения и отграничения друг от друга принципов равенства, гуманизма и справедливости. Однако придавать большое значение и тем более закреплять законодательно данную дифференциацию не следует, так как уравнительный и распределительный аспекты не полностью раскрывают принцип справедливости, а для принципов равенства и гуманизма данная дифференциация устанавливает определенные рамки, не давая точно уяснить содержания этих принципов.

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.; одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : текст по состоянию на 12 июля 2013 г. // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2014.

2. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). Минск : Амалфея, 2005. 48 с.

3. Саркисова Э.А. Уголовное право. Общая часть. Минск : Тесей, 2005. 462 с.

4. Городнова О.Н. Принцип справедливости в уголовном праве сквозь призму принципов гуманизма и равенства граждан перед уголовным законом // Социально-политические науки. 2013. № 1. С. 143–145.

УДК 343.713

С. С. Данилин

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА И ПРИНУЖДЕНИЯ К СОВЕРШЕНИЮ СДЕЛКИ ИЛИ К ОТКАЗУ ОТ ЕЕ СОВЕРШЕНИЯ

Конституция Российской Федерации гарантирует свободу экономической деятельности (ч. 1 ст. 8) и провозглашает право каждого человека на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ч. 1 ст. 34), а равно охрану частной собственности со стороны закона (ч. 1 ст. 35). Одним из способов реализации этих конституционных норм является установление уголовной ответственности за посягательства на экономические интересы граждан и юридических лиц. При разработке ныне действующего Уголовного кодекса Российской Федерации охрана складывающихся рыночных отношений была провозглашена одним из приоритетов уголовной политики, что нашло выражение в закреплении нескольких десятков составов преступлений в сфере экономики, прежде не известных отечественному законодательству. К сожалению, создать

логически стройную и непротиворечивую систему экономических преступлений не удалось: многие новеллы не были до конца продуманы, вследствие чего признаки целого ряда составов преступлений оказались схожими до степени смешения. Одним из наиболее ярких примеров этого является параллельное существование в УК РФ норм об ответственности за вымогательство (ст. 163) и за принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст. 179). Единого подхода к их разграничению нет ни в юридической науке, ни в правоприменительной практике. Причины этого кроются в самом уголовном законе: ст. 179 УК РФ содержит лишь предельно общее указание на отсутствие признаков вымогательства, однако о каких именно признаках идет речь – совершенно не ясно.

Поиск отличий этих двух преступлений друг от друга, как правило, начинают с утверждения о несовпадении их объектов: если вымогательство – это преступление против собственности, то принуждение к совершению сделки или отказу от ее совершения – преступление в сфере экономической деятельности, а конкретно, против свободы договоров и иных сделок как составной части свободы экономической деятельности. Формально это так, однако нельзя не учитывать два важных обстоятельства. Во-первых, при применении уголовного закона на практике объект посягательства устанавливается, как правило, в самую последнюю очередь и не иначе как на основе анализа признаков, характеризующих объективную и субъективную сторону (а иногда и субъекта). Во-вторых, определение основного непосредственного объекта вымогательства только как отношений собственности представляется чрезмерно узким, коль скоро предметом данного преступления может выступать не только имущество, но и право на имущество, а равно действия имущественного характера, в том числе работы и услуги, которые гражданское законодательство не признает объектами права собственности. К сказанному следует добавить, что фактический вред при совершении анализируемых преступлений нередко причиняется лишь их дополнительным объектам, которые в обоих случаях совпадают.

Не представляется верной точка зрения, согласно которой ст. 163 и 179 УК РФ отличаются друг от друга признаками, характеризующими свойства личности потерпевшего. В литературе иногда утверждается, будто бы в качестве жертв вымогательства могут выступать любые лица, тогда как в случае принуждения к совершению сделки таковыми могут быть признаны лишь индивидуальные предприниматели и уполномоченные представители юридических лиц. Аргументация такого ограничительного толкования сводится к тому, что ст. 179 УК РФ находится в главе Особенной части о преступлениях в сфере экономики, вследствие чего ею будто бы не могут защищаться интересы обычных граждан в бытовой сфере. Этот тезис легко опровергнуть, напомнив, что в данную главу помещен еще целый ряд статей, предусматривающих ответственность за совершение деяний, которые зачастую не имеют никакого отношения к

сфере предпринимательской деятельности (например, скупка краденого, фальшивомонетничество и др.).

И вымогательство, и принуждение к совершению сделки являются преступлениями с общим субъектом и совершаются исключительно с прямым умыслом (что, впрочем, никем и не оспаривается).

Объективная сторона обоих составов тоже практически идентична: деяние в одном случае называется «требованием», а в другом – «принуждением», т. е. для его описания используются синонимические термины; способом же совершения этих действий в обоих случаях выступает угроза, содержание которой в обеих диспозициях раскрывается абсолютно одинаково. Ситуация усугубляется тем, что передача имущества (прав на имущество) и иные действия имущественного характера с точки зрения гражданского права являются сделками. Фактически это означает, что ст. 163 является специальной по отношению к ст. 179 УК РФ, причем специфическое отличие вымогательства остается неизвестным.

В качестве разграничительного признака интересующих нас составов нередко предлагается критерий возмездности. В этой связи утверждается, что если виновный, принуждая потерпевшего к передаче имущества (имущественных прав) либо к совершению иных действий имущественного характера, намеревается обеспечить ему встречное предоставление, налицо преступление, предусмотренное ст. 179 УК РФ; в случае же отсутствия такого намерения подлежит применению ст. 163 УК РФ.

В принципе мы готовы согласиться с данным критерием, однако нельзя не отметить его слабых мест. Прежде всего, он никоим образом не отражен в действующем законодательстве, и ни один из известных способов толкования правовых норм не позволяет на него выйти. Кроме того, критерий этот является весьма подвижным и отнюдь не столь однозначным, как может показаться на первый взгляд. Остается непонятным, в частности, как квалифицировать содеянное, если предлагаемая преступниками оплата по навязанной сделке явно не эквивалентна, но и ничтожной (символической) признать ее нельзя. В судебной практике по этому поводу можно встретить прямо противоположные решения.

Так, приговором Краснодарского краевого суда от 2 июля 2002 г. Б. был осужден по п. «в» ч. 2 ст. 179 УК РФ за то, что он, действуя в составе организованной группы, угрожая насилием, заставил руководителя одной из коммерческих организаций П. продать ему по заниженной цене несколько комплектов оборудования для компьютеров. Кассационным определением Верховного Суда Российской Федерации от 10 сентября 2002 г. № 18 кп 002-63 осуждение Б. по данной статье было признано обоснованным. Однако несколькими годами ранее, пересматривая в порядке надзора приговор Ковровского городского суда, президиум Владимирского областного суда удовлетворил протест заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации и исключил из обвинения Бабаевых осуждение по п.п. «б», «в» ч. 2 ст. 179 УК РФ, но не по п.п.

«а», «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ. Как было установлено, И.Б. и М.Б. в период с конца марта по апрель 1997 г. с целью незаконного обогащения требовали от Ф. обменять принадлежавшую ей на праве собственности благоустроенную квартиру на другую, неблагоустроенную. При этом они избивали ее сына, угрожали ему убийством, увозили Ф. на другую квартиру и не разрешали выходить. Опасаясь расправы с сыном, Ф. была вынуждена согласиться на такой обмен и переехать в неблагоустроенное жилье, получив в качестве компенсации 1,5 млн руб. Ее же квартира была продана за 36 млн руб., из которых 30 млн руб. получили виновные. Признавая неверным осуждение по совокупности, областной суд указал, что Бабаевы совершили именно вымогательство, а не принуждение к совершению сделки.

Ясно, что ситуацию, когда абсолютно аналогичные преступления получают совершенно разную квалификацию, нельзя признать приемлемой. Первым этапом на пути создания единообразной судебной практики по интересующей нас категории уголовных дел могло бы стать издание Пленумом Верховного Суда Российской Федерации соответствующего руководящего разъяснения. Но окончательное решение проблемы должно быть принято на законодательном уровне. В качестве одного из вариантов предлагаем исключить ст. 163 УК РФ, одновременно повысив санкцию ст. 179 и дополнив ее квалифицирующими признаками, содержащимися ныне в статье о вымогательстве.

УДК 343.915

Е. С. Дементьева, П. В. Гриченко

ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Республика Беларусь провозглашена в Конституции Республики Беларусь социальным демократическим правовым государством. Одним из главных направлений деятельности государства является забота о детях, семье и материнстве.

Преступность несовершеннолетних отличается от взрослой преступности высокой степенью активности. Лица, совершившие преступления в юном возрасте, трудно поддаются исправлению и перевоспитанию и представляют собой резерв для взрослой преступности. Главным негативным социальным фактором, влияющим на формирование девиантного поведения несовершеннолетних, является неблагополучие в семье. Вторым по важности фактором, влияющим на рост преступности, является алкоголизация несовершеннолетних. Алкоголизм и пьянство выступают одним из самых неуправляемых детерминантов уровня и состояния преступности, стимуляторами повышенной криминальной напряженности в обществе. За январь-сентябрь 2014 года в Республике Бела-